

КОЛЫБЕЛЬНИКОВА НИНА

ПОЛЮБИ МЕНЯ...
ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

Колыбельникова Нина

Полюби меня...если сможешь

«Литнет»

2025

Нина К.

Полюби меня...если сможешь / К. Нина — «Литнет», 2025

В бурном мире торговли и аристократии, где каждый шаг может стать решающим, преуспевающий торговец Джонатан решает заключить фиктивный брак с обанкротившейся вдовой графиней Оливией. Его цель — укрепить деловые связи и получить доступ к закрытым кругам высшего общества. Однако, чем больше времени они проводят вместе, тем яснее становится, что их союз — это не просто деловая схема.

© Нина К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1

Джонатан Мэйс

Джонатан выпрыгнул из экипажа, не дождавшись, когда извозчик остановит коней. После успешной сделки, благодаря которой его агентство получило возможность выкупать индонезийские ткани у поставщиков и перепродавать их на Кельтском континенте, настроение взлетело до небес. Радость переполняла его, и этой радостью он собирался поделиться. Для начала — с отцом, с которым они условились встретиться в Таволожном парке, а там... а там как пойдет.

— Сумасшедший? — крикнул ему вслед извозчик. — Смерти моей захотел?

— Не сердчай, батюшка, — Джонатан отвесил мужику шутливый поклон и кинул в его сторону целый золотой. — Сдачи не надо. Выпей вечером пива за мой успех да друзей угости. Извозчик поймал монету и попробовал ее на зуб.

Действительно золотая. Подумать только. Целый день можно больше не работать. Дочка как раз прихворала, жене дома помощь нужна.

— Благодарю, светлейший, — снял шляпу мужик.

Но Джонатан его больше не слышал. Он спешил на встречу с отцом, и, как только увидел его у входа, сидящего на лавочке с неизменной тростью в руках, не смог сдержаться и счастливо улыбнулся.

— Здравствуй, мой мальчик, — поприветствовал его Уильям Мэйс, когда Джонатан приблизился к нему и подал руку для опоры.

Не то чтобы Уильяму Мэйсу была необходима помощь при ходьбе, да и трость ему нужна была скорее для вида. Просто с ней он чувствовал себя настоящим аристократом, каким, увы, ему никогда не стать. Купцы — они везде купцы. При деньгах, но не влиятельны.

— Как тебе сегодняшний день? Погода просто чудесная для прогулки.

— День, несомненно, замечательный, — взволнованно ответил Джонатан. — Сделка с индонезийскими купцами состоялась, мы подписали документы. Теперь все ткани будут проходить только через нас. Представляете? Мистер Лиосон вырвет на голове последние волосы от зависти, когда узнает о нашем успехе.

— А ты все о делах, — вздохнул Уильям. — Конечно, я рад, что в бизнесе все идет хорошо. Я никогда в тебе не сомневался, но пора уже и о другом задуматься...

— Кстати, о делах, — прервал его Джонатан. — Вы говорили, что у вас есть ко мне серьезный разговор.

— Ты помнишь, какой сегодня день, Джонатан?

— Вторая седмица лета, отец, — уверенно ответил он.

— День солнечного затмения. Иными словами — Лавровый день.

Джонатан прикрыл глаза и чуть не застонал от досады. Лавровый день. Таволожный парк...

Как он сразу не догадался, для каких целей отец назначил встречу в центральном парке столицы? Сегодня здесь будут проходить смотрины невест.

Джонатан заозирался по сторонам и убедился в своей правоте. Юные девы вышагивали под руку со своими отцами, нянюшками и свахами. На девушках были лучшие наряды, самые дорогие украшения — все для того, чтобы показать себя во всей красе.

Подходить к ним и знакомиться сейчас нельзя — неприлично. Пока все проходят этап смотрин, а уже потом можно отправить карточку с приглашением в гости и организовать сватовство.

Иными словами, Лавровый день — это день, когда в парке прогуливаются дочери купцов, военных и других состоятельных граждан, сумевших после отмены рабства выбиться в люди и

заработать деньги. Для аристократов же был назначен другой день. В сторону купцов они даже не смотрели. Они уже давно не были рабами, но аристократы по-прежнему обращались с ними как с грязью под ногтями. Хотя, если бы не купцы, аристократам жилось бы намного труднее.

— Только не говорите мне, что вы решили заняться сводничеством, — с легким укором произнес Джонатан.

— Вовсе нет, — нахохлился Уильям. — Однако я не устану повторять, что мужчине можно доверить дела только тогда, когда женщина доверила ему свое сердце. Вот я в твоём возрасте...

— Я помню, что вы делали в моём возрасте, — перебил его Джонатан, пока отец снова не начал свой рассказ о том, как в его годы успевал и бизнес с нуля поднимать, и семьей обзавестись.

Ну как семьей... Во время родов жена Уильяма и мать Джонатана умерла, и отец, словно вспомнив об этом, смягчил тон.

— Не все роды заканчиваются так печально, сынок, — с грустью заметил он.

— Дело не в этом, — Джонатан отрицательно покачал головой. — Ваш с матушкой брак состоялся по взаимной любви.

— Да кто же тебе любить мешает? — воодушевился Уильям. — Взять, к примеру, леди Кимберли. Отличная партия. Умна, образованна, хороша собой, и репутация такая, что комар носа не подточит.

Отец замедлил шаг и незаметно качнул тростью в сторону соседней аллеи, по которой совершала променад та самая леди Кимберли со своим отцом.

При виде четы Мэйс пара замедлила шаг. Девушка смущенно улыбнулась, а ее отец поднял шляпу, приветствуя своего давнего друга и его сына.

Да, Уильяму, безусловно, было бы выгодно, если бы его сын женился на леди Кимберли. Это сильно помогло бы общему бизнесу. Вот только Джонатан был уверен, что справится и без удачной женитьбы, а леди Кимберли всегда раздражала его своей бессвязной болтовней, которой постоянно пыталась привлечь его внимание.

— Не получится, отец. В детстве она обвинила меня в том, что я ударил ее палкой, хотя на самом деле это сделал Майкл.

— Не думал, что ты такой злопамятный, — усмехнулся Уильям.

— Я тоже. Но не в ее случае.

Старший Мэйс разочарованно вздохнул, и они пошли дальше.

— Хорошо, если не леди Кимберли, тогда... может быть, леди Алестина?

— Слишком угрюма. Боюсь, она заразит меня своим пессимизмом.

— Джонатан, — возмутился отец. — Нельзя в таком тоне говорить о леди. Необычайно повезло, что нас никто не услышал.

— Отец, если вы перестанете навязывать мне женитьбу, то я перестану говорить о леди в таком тоне.

— Твое ворчание до добра не доведет. Хочу напомнить, что женитьба — шаг ответственный. Чувства чувствами, но и о бизнесе забывать не стоит. Расширение производства и деловых связей — вот о чем необходимо думать в первую очередь.

Уильям говорил что-то еще, но Джонатан его уже не слушал, полностью погружившись в свои мысли и автоматически отвергая каждую кандидатуру, которую предлагал отец.

Через полчаса они покинули парк. Уильям уже отчаялся достучаться до сына, как вдруг мимо них пробежал мальчишка, торговавший свежими газетами.

— Сенсация! Сенсация! — кричал во все горло ребенок, привлекая к себе внимание. — Герцогиня Августа Генштейн открыла магазин антикварных вещей, скрываясь под мужским именем! Скандал, который черным пятном лег на безупречную репутацию герцогства!

Джонатан остановил маленького продавца и сунул ему в ладонь серебрушку, забирая экземпляр газеты.

— С каких пор ты интересуешься репутацией герцогини Августы? — поинтересовался Уильям.

— Не интересуюсь, но ее ситуация натолкнула меня на одну мысль, — Джонатан перевернул титульную страницу и показал газету отцу. — А вот это уже то, что нам нужно. Если я и женюсь, то только на ней.

— «Графиня Оливия Лавгуд устраивает прием в честь дня рождения дочери Роуз...» — прочитал заголовок Уильям, а затем перевел ошеломленный взгляд на сына. — Ты сошел с ума. Она никогда не согласится.

— Может быть, — Джонатан пожал плечами, но на его лице уже играла предвкушающая улыбка. — Но если и сходить с ума, то делать это нужно с выгодой.

Глава 2

Оливия Лавгуд

Утро в роскошном, но запущенном особняке графини обещало быть спокойным, пока Оливии не сообщили, что в гости снова пожаловал граф Фэлтон собственной персоной.

После кончины мужа сосед уж слишком активизировался и стал часто заходить в имение Лавгуд. Оливия с удовольствием попросила бы его померить пыл, вот только сумма долга, которую почивший Себастьян Лавгуд задолжал соседу, была настолько огромной, что графине приходилось терпеть его общество.

Граф появился в дверях эффектно. Вернее, попытался это сделать, только возраст уже не позволял ему столь виртуозно исполнять танцевальные па. Хотя Оливия была уверена, что в мыслях Фэлтона этот маневр выглядел весьма впечатляюще. Как и его новенький элегантный костюм, который сильно выделялся на фоне простого платья графини.

— Моя дорогая Оливия, — распахнул руки для объятий Фэлтон. — Как вы поживаете в это прекрасное утро?

— Могло быть и лучше, граф Фэлтон, — поморщилась Оливия, но тот, кажется, не понял тонкого намека.

Все в их разговоре было на грани дозволенного. Оливия никогда бы не переступила эту черту, потому что понимала: ее жизнь и жизнь Роуз находятся в руках графа Фэлтона. Стоило ему лишь подать прошение куда следует, и Оливии с дочерью пришлось бы покинуть имение, которое отошло бы соседу за долги.

А куда им потом идти?

Правильно, идти было некуда. Мать Оливии продала свое родовое гнездо, чтобы погасить карточные долги Себастьяна, и переехала жить к дочери. Но даже этого оказалось недостаточно.

Оливия часто задавалась вопросом, когда она упустила тот самый момент, в который ее супруг, клявшийся в вечной любви, свернул не на ту дорогу. Но ответа так и не находила.

— Что же произошло? — встрепнулся Фэлтон. — Вы прихворали?

— Приношу свои извинения, но чувствую себя действительно неважно, так что, если вы...

— Ну право слово, я не отниму у вас много времени, — перебил ее граф и, не дождав-
шись приглашения, занял соседнее кресло. — Еще вчера я был уверен в вашем плачевном финансовом положении, — начал он с едкой ухмылкой.

— Так и есть, — осторожно ответила Оливия. — Я надеялась, что смогу со всем расплатиться, но обстоятельства оказались сильнее меня.

— Понимаю, понимаю. Но все же... птичка принесла мне новость, что ваша матушка продала свое родовое гнездо.

— Граф Фэлтон, вы же знаете, я не люблю ходить вокруг да около. Леди Гвендалин действительно продала свое имение, чтобы помочь мне погасить долги...

— Но мои долги вы так и не погасили, — продолжал напирать граф.

— Они оказались... слишком большими и пока неподъемными. Но обещаю, в ближайшее время я что-нибудь придумаю.

— Придумаете? — усмехнулся Фэлтон. — Сильно в этом сомневаюсь. Продавать вам больше нечего, поэтому я и пришел к вам с предложением. Как вы смотрите на то, чтобы рассмотреть альтернативные варианты погашения долга?

Маслянистый взгляд медленно скользнул по фигуре Оливии, отчего графиня вспыхнула и вскочила с пуфика.

— Альтернативные варианты? — переспросила она дрогнувшим голосом.

— Ну, если это вас не смущает, я уверен, что мы могли бы найти взаимовыгодное решение, — улыбнулся Фэлтон.

— Граф, — Оливия с трудом сдерживала бушующие внутри эмоции. — Вы очень... добры ко мне, но я не могу согласиться на такое. Я предпочитаю решать вопросы честным путем.

— Как жаль, — разочарованно вздохнул Фэлтон. — Я думал, что вы более гибки в своих подходах.

— Мой долг — это моя ответственность, — серьезно добавила Оливия. — Я найду способ расплатиться, даже если это займет время.

— Ну что ж, графиня, — Фэлтон поднялся с кресла и недовольно поморщился. Диалог с Оливией его явно не устраивал. — Я уважаю ваше решение. Но имейте в виду: двери моего дома всегда открыты для вас, если вам потребуется помощь.

— Спасибо, граф. Я ценю вашу доброту. Надеюсь, вскоре ситуация изменится к лучшему, — процедила сквозь зубы Оливия.

— Удачи вам, моя дорогая. Уверен, мы еще увидимся при более приятных обстоятельствах.

Граф ушел, оставив после себя неприятное послевкусие. Оливия раздраженно фыркнула и подошла к окну, чтобы проследить за его отъездом.

— Противный, — вздохнула она, сжимая руки в кулачки. — Какой же ты противный.

— Дорогая, с кем ты разговариваешь? — сзади раздался взволнованный голос леди Гвендалин, только что вошедшей в гостиную.

Оливия обернулась к матери и натянуто улыбнулась, отметив про себя, что та стала выглядеть значительно хуже. Женщина сильно сдала, погрузившись в проблемы дочери. А когда не остается средств даже на косметолога, все житейские невзгоды отражаются на лице.

Ох, если бы граф Фэлтон пришел раньше со своей распиской... Оливия не стала бы просить леди Гвендалин продавать имение, чтобы помочь рассчитаться с долгами. Ей было бы проще отдать кредиторам имение мужа и в статусе банкрота переехать к матери. Но время назад не воротить.

— Ни с кем, матушка. Граф Фэлтон уже уехал.

— Уехал? — встрепелась леди Гвендалин. — Надеюсь, ты достойно его приняла? Проблемы нам сейчас ни к чему.

— Все в рамках приличий и наших возможностей, — вздохнула Оливия.

Слуг в доме практически не осталось. Задержались только те, с кем еще не закончился годовой договор, и те, кто был согласен работать за еду и крышу над головой.

— Что-то он зачистил, — леди Гвендалин сняла перчатки и присела в гостевое кресло. — Он требовал вернуть долг?

— Да, — ответила Оливия, не желая посвящать мать в грязные подробности разговора с соседом. — Но согласился подождать.

— Тогда можно с уверенностью сказать, что нам еще везет, — улыбнулась пожилая леди. — Тем более у меня появился план.

Леди Гвендалин достала из сумочки утреннюю газету и положила ее на стол.

— О чем вы? — удивилась Оливия, но газету взяла, чтобы найти то, что привлекло внимание матери. — Неужели вы считаете, что новости о делах леди Августы как-то помогут мне закрыть долги?

— Нет. Но ты переверни страницу.

Столько азарта было в глазах матери, что Оливия невольно испугалась.

И, как оказалось, не зря.

На следующей странице была напечатана новость о том, что в ее имении устраивается прием в честь дня рождения дочери, Роуз.

Оливия мгновенно побледнела. Дышать стало труднее, а голова закружилась.

— Что это? — спросила она у матери.

— Как что? — возмутилась леди Гвендалин. — Это путь к нашему успеху. Неужели ты думала, что мы станем отшельницами и покинем высший свет? Никто не должен догадаться, что у нас проблемы.

— О чем вы говорите?! — Оливия невольно повысила голос. — Да все уже знают об этих проблемах! Они сами постоянно занимали Себастьяну деньги и загоняли его в долговую яму!

— Дорогая, тебе нужно успокоиться...

— Успокоиться?! На какие средства мы будем устраивать этот прием?

— Я продала кое-что из украшений, — леди Гвендалин отстраненно махнула рукой. — Так что об этом можешь не переживать.

— Но я буду переживать! Я знаю, во сколько обходятся такие праздники. На эти деньги мы могли бы с легкостью прожить целый месяц. Это расточительство!

Оливия никогда не думала, что ей придется экономить. Она всегда жила в достатке и другой жизни просто не знала. А сейчас даже сама себе казалась жалкой.

— Доверься мне, — не унималась леди Гвендалин. — Для тебя это отличный шанс показать себя, повторно выйти замуж и закрыть долги Себастьяна.

Оливия только горько хмыкнула. По поводу второго замужества пустых иллюзий она не питала. Да и кому нужна обанкротившаяся вдова с ребенком на руках?

— К тому же, — продолжила леди Гвендалин, — я уже отправила всем приглашения. Так что пути назад нет.

Ответить Оливия не успела.

Дверь распахнулась, и на пороге появился дворецкий Генри.

— Леди Оливия, к вам прибыл гость — господин Джонатан Мэйс. Прикажете проводить его в гостиную?

Глава 3

— Мэйс... Мэйс... — бормотала себе под нос леди Гвендалин. — Не припоминаю такой фамилии...

Оливия тоже слышала ее впервые, но все же поинтересовалась у дворецкого:

— Генри, он сообщил о цели своего визита?

Мужчина встрепенулся, осознав свою оплошность. Прежде чем бежать к графине, следовало поинтересоваться у гостя целью его прибытия. Крякнув, он поспешил назад к ожидавшему его Джонатану, а женщины тем временем переглянулись, не понимая, что происходит.

Явиться в гости без предупреждения было неприлично, и на такую вольность сейчас мог позволить себе только граф Фэлтон.

— Леди Гвендалин, Джонатан Мэйс сообщил, что приехал к вам с деловым предложением, — Генри вернулся в гостиную и передал хозяйке дома визитную карточку купца.

При виде нее Оливия недовольно нахмурилась, а затем бросила карточку на чайный столик.

— Сообщи господину, что в его услугах мы не нуждаемся.

Генри поспешил удалиться, а леди Гвендалин взяла в руки визитную карточку гостя.

— Эти торгаши совсем обнаглели, — возмутилась старая леди и вернула визитку на стол. — Скоро никакого прохода от них не будет. И зачем только отменили рабство? С ним было намного спокойнее, а сейчас эти выскочки лезут из всех щелей, предлагая свои услуги. Какие же они наглые, бестактные...

— О, боги, — Оливия приложила руку к груди. — А что, если... Себастьян и у него занимал деньги? И теперь господин Мэйс приехал, чтобы обсудить сроки возврата долга.

— Дорогая, твой муж был заядлым игроком, но не идиотом. Он ни за что не опустился бы до того, чтобы занимать деньги у торгашей.

— О, теперь я уже ни в чем не уверена, — усмехнулась Оливия, вспоминая суммы, которые ей озвучили во время оглашения завещания.

— Немедленно пропустите! — раздался со стороны коридора мужской голос, заглушив неуверенное лепетание Генри.

— Вы не можете вот так просто врываться в чужие дома, — мямлил дворецкий.

Но его оппонент явно был моложе и сильнее. Дверь гостиной с грохотом распахнулась, являя леди высокого мужчину в элегантном костюме, сшитом по последней моде.

Вернее, сначала Оливия увидела роскошный букет белых лилий.

Цветов, символизовавших страсть и преданность.

Дерзко.

Но эту дерзость графиня не оценила.

— Что вы себе позволяете? — спросила она дрогнувшим голосом.

Дом, который когда-то был для нее опорой и защитой, теперь напоминал проходной двор, куда могли войти все, кому не лень. И самое страшное заключалось в том, что Оливия ничего не могла с этим поделать. Денег у нее не было, как и влиятельных знакомых. Стоило друзьям узнать о ее плачевном положении, как они тактично отошли в сторону, предпочтя роль сторонних наблюдателей.

— Приношу свои извинения за столь бесцеремонное вторжение, — обаятельно улыбнулся Джонатан Мэйс. — Но нам необходимо срочно поговорить.

— Верх бестактности, — леди Гвендалин недовольно поджала губы и медленно, но с достоинством поднялась с кресла, пронзая Джонатана и его букет презрительным взглядом. — Если вы забыли, то я напому: ваше место на рынке, а не в домах господ, которые не желают вашего общества.

— Благодарю, что напомнили, — весело ответил Джонатан, которого, казалось, ничуть не смутили слова старой леди. — Однако я все же рискну отнять у вас немного времени. Леди Оливия, позвольте переговорить с вами наедине.

Джонатан сразу понял, что леди Гвендалин настроена против него, и если она останется при разговоре, убедить Оливию в правильности своего предложения будет значительно сложнее.

А леди Оливия тем временем с интересом рассматривала мужчину.

Молод.

На пару лет моложе нее.

Или все дело в тяготах жизни?

По веселому настрою торговца было видно, что он любит жизнь и берет от нее все самое лучшее. Чего нельзя было сказать об Оливии. Светлые волосы графини потускнели, и еще до тридцати лет в них появились седые пряди. Голубые глаза больше не блестели, а лицо осунулось от худобы, добавляя ей возраста.

А вот Джонатан был другим.

Высокий, темноволосый, подтянутый. Его глаза буквально светились счастьем и решимостью.

Но самое главное — в нем была свобода. Свобода от условностей и общественного мнения. Джонатан мог в любой момент переехать в другую страну или отправиться путешествовать. Он мог позволить себе все то, что было недоступно Оливии. Другой человек, возможно, позавидовал бы этой свободе и возненавидел ее обладателя. Но Оливия решила дать ему шанс и попросила дворецкого проводить гостя в кабинет.

— Дорогая, ты себя плохо чувствуешь? — возмутилась леди Гвендалин. — Иначе как объяснить твоё желание общаться с этим... этим... человеком?

— Довольно, матушка, — поморщилась Оливия.

Она и сама была не в восторге от своего решения, а если леди Гвендалин начнет еще больше нагнетать обстановку, настроение испортится окончательно.

Пожелав матери хорошего дня, Оливия отправилась в кабинет, на мгновение задержавшись у зеркала в холле, чтобы оценить свой внешний вид.

Вот только увиденным она осталась недовольна. А от осознания того, что сейчас попытается посмотреть на себя глазами мужчины, стало еще хуже.

— Здесь довольно мило, — сообщил Джонатан, внимательно разглядывая интерьер кабинета. — Хотя... уверен, раньше это место выглядело гораздо эффектнее.

Оливия перевела взгляд на стены, утратившие былой блеск из-за того, что их давно не обновляли с помощью магии, и грустно усмехнулась.

— Да, прошлое — это единственное, что у меня осталось. Но, как говорится, не все то золото, что блестит.

— Я вас понимаю, — кивнул Джонатан. — Наслышан о вашем положении.

— Тогда вы должны понимать, что услуги торговцев мне сейчас ни к чему. Вложиться в ваш бизнес я не смогу, а покупать что-либо пока не планирую.

— Мое предложение никак не связано с торговлей, — поджал губы Джонатан. — Но я премного благодарен за то, что вы постоянно пытаетесь напомнить мне мое место. Не переживайте, леди Оливия, я его не забываю.

— Тогда о каком деле вы хотите поговорить? Планируете приобрести мое имение? Предупреждаю сразу: его стоимость будет выше рыночной. Иначе мне нет никакого смысла выставить его на продажу.

— О нет. Несомненно, ваше имение прекрасно, но мне оно ни к чему. Недавно я купил просторный дом в центре города, где сдаю комнаты. Сами понимаете, после... кхм... принятия известного закона желающих переехать в столицу на заработки стало гораздо больше.

— Еще бы не знать, — фыркнула Оливия.

После отмены рабства бывшие прислужники устремились туда, где можно было хорошо заработать, поэтому в столице стало тесно. Нынешнее поколение уже привыкло к такому положению вещей. Доходные дома стали прибыльным делом даже для аристократов, которым, по сути, сдавать комнаты внаем считалось не по статусу.

— Так вот, — продолжил Джонатан. — Я не буду ходить вокруг да около, поэтому сразу сообщу о своих намерениях.

Он выдержал короткую паузу.

— Леди Оливия, я предлагаю вам стать моей женой.

Глава 4

Джонатан Мэйс

Джонатан сидел в кабинете отца, покручивая в руках бокал и разглядывая на его дне темную жидкость. Не так он себе представлял завершение этого вечера... Совершенно не так.

— Спрашивайте уже, отец, — Джонатан не выдержал недовольных вздохов Уильяма, которые доносились по другую сторону стола, заваленного книгами и бумагами, и попросил того наконец-то высказаться.

— А тут и спрашивать нечего, — хмыкнул Уильям. — Хотя нет, скажи: она сначала тебя выслушала или сразу отказала?

Джонатан обиженно засопел и отвернулся, в деталях вспоминая разговор с графиней.

Ну как разговор — скорее, это был монолог, так как после предложения ему больше не дали сказать ни единого слова.

— Вы... Да как вы посмели ворваться в мой дом с таким похабным предложением? Думаете, я совсем отчаялась? Сошла с ума и готова связать свою жизнь с... торговцем?! Немедленно покиньте имение и больше не смейте показываться мне на глаза, иначе я вызову жандармов и обвиню вас в преследовании. Нахал... Наглец...

Джонатан то и дело прокручивал эти слова в голове и все никак не мог понять, где он оступился. Может быть, для начала необходимо было рассказать о преимуществах такого брака?

Смутили ли его слова Оливии? Определенно нет. Джонатан слышал их всю свою сознательную жизнь и от других аристократов. Слово «торгаш» он не воспринимал как оскорбление, поэтому просто закрывал глаза и продолжал работать дальше, не обращая на такие прозвища никакого внимания.

— Кхм, — прочистил горло Джонатан. — Высказаться мне действительно не дали.

— А я говорил, — недовольно проворчал старший Мэйс. — И зачем только туда пошел? Выслушать лишний раз оскорбления в нашу сторону? Как будто их и так не хватает.

— Да-да, — спокойно ответил Джонатан. — Вы, как всегда, были правы, а я вас не послушал...

На минуту Джонатан и Уильям замолчали. Каждый погрузился в свои мысли, и только стук часов прерывал образовавшуюся тишину.

— Ну и какая она? — вдруг поинтересовался Уильям.

— О, — встрепнулся Джонатан, растерявшись от этого вопроса. — Ну, она худая.

— Не беда, любую девушку можно откормить.

— А еще у нее морщины, вид угрюмый, а в глазах — пустота и холод, — продолжил Джонатан, будто пытался доказать отцу, что в Оливии нет ничего примечательного.

— Пустяк, — махнул рукой Уильям. — Женщину нужно любить, тогда и морщины исчезнут, и радость в глазах появится. К тому же всегда можно воспользоваться всеми этими современными женскими штучками, на которые они тратят уйму своего времени и прорву наших денег. Так что все упирается в финансы, мой дорогой. Все мы хотим, чтобы наши женщины улыбались, но мало кто понимает, что для этой улыбки необходим повод, и мы, мужчины, в силах этот повод предоставить. Лукавит тот, кто говорит, что счастливым можно быть без денег. Как бы не так. В этом люди убеждаются, когда заболевает ребенок, а у тебя нет ни одного золотого в кармане, чтобы вызвать целителя и купить лекарства. Так что деньги — это путешествия, сытая и здоровая жизнь, наполненная яркими эмоциями. Когда ты не переживаешь о завтрашнем дне, ты выглядишь и чувствуешь себя по-другому: увереннее, спокойнее. Трудно сейчас обвинять леди Оливию в том, что на ее лице появились морщины.

И ведь он прав.

Но Джонатан обратил внимание совсем не на эти слова. Когда Уильям привел в пример детей, он вспомнил, что у графини есть дочь. И почему он раньше о ней не подумал? Нужно было начинать сразу с козырей — тогда, возможно, не пришлось бы выслушивать оскорбления в свой адрес.

— Но если она тебе так не мила, — продолжил старший Мэйс, — то для чего ты все это затеял?

— О, у меня на эту свадьбу большие планы, — с воодушевлением ответил Джонатан. — Вернее, на то, что будет после нее. Ты же помнишь маркиза Шейхода?

При упоминании этого человека Уильям покраснел от гнева. Конечно, как его не помнить? Именно он был одним из тех, кто унизил его и помешал процветанию бизнеса. Ох, сколько тогда Уильям выслушал оскорблений в свою сторону — и все из-за того, что посмел подойти к маркизу и предложить сотрудничество.

Маркиз Шейход долго смеялся, а после в каждом уголке обсуждали этот отказ и перемывали Уильяму косточки. Если бы не трудолюбие Мэйса, он бы опустил руки и не владел сейчас всем тем, чем владеет.

— Джонатан, — холодно начал Уильям. — Что ты задумал?

— Ты помнишь, из-за чего он отказал тебе в сотрудничестве? — поинтересовался Джонатан.

— Как же не помнить, — усмехнулся Уильям. — Он прямо сказал, что не хочет иметь никакого дела с низшим отребьем.

— Вот именно, — поморщился Джонатан. — У нас есть деньги, но нет связей, титула. Мы сильно ограничены в своих действиях. А союз с Оливией Лавгуд подарит мне титул. Больше они уже не смогут воротить нос и начнут считаться с нашим мнением. И первый человек, с которым я заключу контракт, — маркиз Шейход.

— Нет. — Отец с силой ударил кулаком по столу, отчего Джонатан удивился такому поведению. Никогда еще отец не проявлял свои эмоции настолько открыто.

— Что с вами? — участливо поинтересовался младший Мэйс.

— Ты не будешь сотрудничать с этим господином, — поджал губы Уильям. — Не после того, что мы из-за него пережили.

— Но на рынке у него нет конкурентов, — продолжал упираться Джонатан. — В данном случае мы не можем рассматривать альтернативу. Если мы помимо продаж будем заниматься еще и перевозкой товара, то станем неуязвимы. Вы хотя бы представляете, какие это возможности?

— Представляю, — горько усмехнулся Уильям. — Когда-то я думал так же, а в результате...

— Отец, прошу, поверьте мне. — Джонатан с надеждой посмотрел на отца, и у того дрогнуло сердце. — Я знаю, что делаю. Помощь мне не нужна, мне нужно только ваше одобрение.

Уильям вздохнул и покачал головой. Слишком уверенным и своенравным вырос его сын; спорить с ним сейчас было бесполезно. Толку от этого не будет никакого.

— Даже если я и поддержу тебя, то в этом нет никакого смысла, — попытался еще раз достучаться до сына Уильям. — Оливия отказала тебе. Она ясно дала понять, что не хочет тебя больше видеть.

— О, по этому поводу можете не переживать. Вы сами мне говорили, что женщины любят настойчивых мужчин, особенно когда те их добиваются.

План Джонатана состоял в том, чтобы приехать к Оливии вновь в день рождения ее дочери Роуз. Несмотря на холодность графини, Джонатан был уверен, что та не выгонит его на улицу при гостях, а просто сделает вид, что не замечает его, дабы не устраивать скандал. А там уже он возьмет все в свои руки, добьется аудиенции и озвучит свои условия.

Условия, от которых она не сможет отказаться.

С этими позитивными мыслями Джонатан стал подготавливаться к встрече. Съездил в город и через знакомых купил девочке подарок, о котором сейчас мечтал каждый ребенок, а в назначенный день направился к графине.

Однако экипаж не успел отъехать от дома, как в дверь постучали. Когда она открылась, Джонатан увидел отца в нарядном костюме. Именно он попросил кучера притормозить, а затем ловко забрался в экипаж и устроился на противоположном сиденье.

— Ты же не думал, что я отправлю тебя в этот серпентарий одного? — поинтересовался Уильям, после чего постучал по стенке экипажа, и кучер приказал коням тронуться.

Джонатану трудно было это признавать, но от поддержки отца ему стало легче. Позориться — так вместе.

Вот только когда они подъехали к дому графини, то слегка опешили, так как возле имения не стояло ни одного экипажа. Неужели они ошиблись временем?

Глава 5

Оливия Лавгуд

В день рождения Роуз леди Гвендалин постаралась от души. Заказала живые цветы для дома, оформила праздничный декор, и, когда все это с утра привезли, слуги смотрели на происходящее с легкой досадой и непониманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.